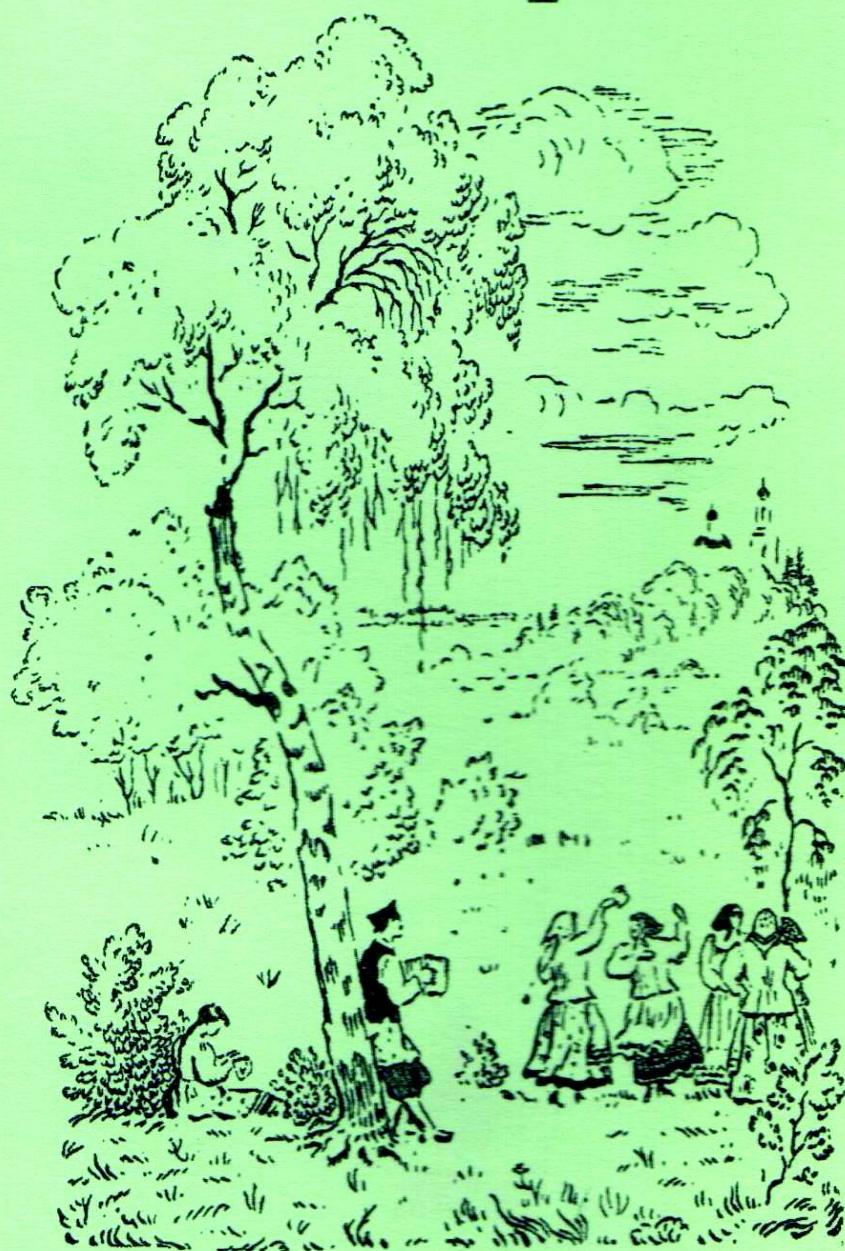

Московский государственный университет леса

Лесные тропы

Литературно-художественный альманах

Москва – 2012

ЛЕСНЫЕ ТРОПЫ

Литературно-художественный альманах

Москва
Издательство Московского государственного университета леса
2012

Л50 Лесные тропы : литературно-художественный альманах. – М. :
ФГБОУ ВПО МГУЛ, 2012. – 80 с.

Альманах содержит литературные произведения сотрудников, студентов и выпускников МГУЛ. Во всех произведениях, написанных хорошим литературным языком, чувствуется искренняя любовь к русской природе.

ББК 84 (2Рос)

Литературно-художественное издание

ЛЕСНЫЕ ТРОПЫ

Составитель С. А. Щербаков
Оригинал-макет подготовил А. С. Летин

Подписано в печать 26.04.2012. Формат 60×90 1/16. Бумага 80 г/м².

Ризография. Усл. печ. л. 5,0. Тираж 200 экз. Заказ № 148.

Издательство Московского государственного университета леса, 141005, Мытищи-5,
Московская обл., 1-я Институтская, 1, МГУЛ.
E-mail: izdat@mgu.ac.ru

© ФГБОУ ВПО МГУЛ, 2012

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В числе афористичных высказываний писателя Михаила Пришвина есть такое: «Дом моего таланта – это природа». О том, что «искусство принадлежит природе» писал и немецкий поэт-романтик Новалис. Особое значение эти получившие широкую известность сентенции приобретают в стенах Московского государственного университета леса, поскольку профессии, которым здесь обучаются, тесно связаны с живой природой. (Ну, или с космосом, тоже весьма способствующим творческому вдохновению.) Не даром, здесь в свое время учились писатели, не побоюсь этого слова, планетарного масштаба: поэт Наум Коржавин и прозаик Юрий Мамлеев. Многолетняя творческая дружба связывает с Лестехом замечательного поэта Татьяну Семенову. В музее университета хранятся их книги с дарственными надписями.

Были среди выпускников Лестеха и другие талантливые авторы. Например, Анатолий Васильевич Вагин – ученый, педагог и поэт, светлая память о котором до сих пор сохраняется в сердцах старшего поколения работников университета. Не случайно, в изданиях, посвященных истории вуза, их составитель профессор Алексей Михайлович Волобаев наряду с научно-техническими достижениями представил и литературно-художественное творчество лестеховцев.

Нынешнее поколение преподавателей и студентов МГУЛ тоже отчасти неравнодушно к музам, причем порой взаимно. Поэтому, в отмечаемый Юнеско «Год леса» мы взяли на себя смелость собрать под одной обложкой произведения авторов разных лестеховских поколений, тематически связанные с русским лесом, а если брать шире – с матушкой-природой.

Конечно, список этих авторов далеко не полон, в том числе по вине составителя, не сумевшего донести весть о готовящемся сборнике до всех заинтересованных лиц. Но будем надеяться, что в таком неполном виде он порадует любителей литературы и послужит катализатором новых творческих устремлений для лестеховских «певцов природы».

Елизавета Белошицкая

СТАРЫЙ САД

Старый сад давно заброшен,
он нехожен и не кошен,
и, забыв про осторожность,
день и ночь шуршат ежи
в бурьянах.

Здесь темь и сырость.
Как избушка покосилась!
Ей всю зиму лето снилось,
снилась прожитая жизнь...
Снился рой веселых внуков
и невесток смуглоруких,
снилось – яблочки со стуком
так и сыплются в траву.
А проснулась, проморгалась –
никого. Лишь сад и старость.
«Сколько ж мне скрипеть осталось?
Развалюха, а – живу...»

* * *

В осенний лес войдешь, как в лес,
а слово «храм» здесь неуместно:
здесь сырь и темно, и тесно,
и пахнет прелый лист, как тесто –
но этот запах стоит месс!

Ты глубоко его вдохнешь.
вдохнешь до головокруженья,
весь мир застынет на мгновенье...
Но зашуршит бродяга-еж,
друзья окликнут в нетерпенье, –
очнешься, поспешишь им вслед.
Прервав нехитрый свой обед,
вспорхнет в берете красном птица.
и несказанно удивится
отсрочки казни короед.

Уйдешь? Ну что ж: ветвей завеса
опустится, а влажный мох
недолго будет в чаще леса
хранить следы твоих сапог.
Тебе же долго будут синиться –
без повода, причины без –
сердитый еж,
притихший лес
и потревоженная птица,
и, может, (не сочти за бред)
приснится даже короед...

В ПИТОМНИКЕ

Питомник – дело важное!
Рядочками рассажена
здесь флора ждет продажная –

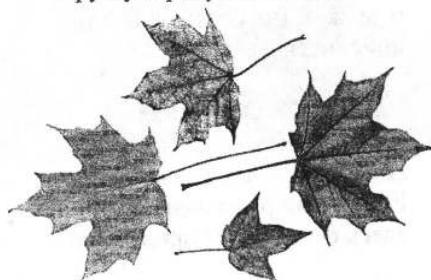
вот барбарис, вот лох
(не Вы! Хотя – как сложится...);
здесь разных роз роскошество
и хвойных тоже множество –
да, выбор здесь неплох.
Вот лиственница «пендула» –
как скрючилась-то, бедная!
И хвоя чтой-то бледная... –
да ну ее совсем!
Мне б яблоньку да вишненку,
крыжовник у домишко бы,
а то ведь хвою с шишками
я, господа, не ем!

ОСЕНЬ

Опять к ногам моим осина
Бросает медный грошик свой,
Опять грибы несут в корзинах,
Прикрытых жухлою травой;

Опять осколки захрустели
В стеклянных лужах октября;
Опять по небу цвета Гжели
Кочуют птицы за моря;

Опять брожу в подножьях сосен.
Сдувая паутины прядь;
В который раз встречая осень,
Грушу и радуюсь опять.

Анатолий Вагин

* * *

Родимых мест простая красота –
Не громкая,
Не бьющая в глаза:
Над светлой речкой гибкая лоза,
Поля,
Луга,
Да неба высота.
Деревня облепила косогор,
У крайних изб колхозные тока.
По тихой пойме разбрелись стога.
В заречных далях
В дымке старый бор.
Здесь скромно все,
Не броски здесь цвета:
Ни белых гор
И ни лазурных вод.
Но здесь мой край,
И за душу берет
Родимых мест простая красота.

1961

ЧИТАЯ ПРИШВИНА

В родном kraю ромашек и берез
Давным-давно – еще совсем мальчишкой –
Сдружился я
С одной недетской книжкой,
Что мне отец из города привез.
В те дни не все в ней понял я сполна.
Но были там ребята и утятка,
Лисичкин хлеб и глупыши-щенята,
И мне, мальчишке, нравилась она.
Казалось, добрый мудрый человек –
С улыбкой мягкой, с говором спокойным –

Водил меня по соловьиным поймам
Под шелест струй в излуках дивных рек.
Водил в леса,
Где в шорохе ветвей
Глазами девушек пугливые олени
Глядели сквозь березовые тени,
Как прятал клады хитрый Берендей.
Мне слышалось: «Смотри, запоминай,
Как в синем поле гаснет зимний вечер,
Как гуси-лебеди ведут с весною речи,
Как бродит август по овсам да гречам,
Как входит в дом веселый шумный май».
И в этот мир бесхитростных чудес
Я полюбил, того не замечая,
Что он и есть земля моя родная,
Под ясным сводом северных небес.

1962

ЛЕС

Если с кручи глядя
На лесные дали
Ты туда не рвешься
Всей душой своей,
Значит, лес не любишь.
И тебя едва ли
Примет он, как друга,
В тень густых ветвей.
А коль лес не любишь –
Уходи из леса:
Век тебе не видеть
Всех его чудес.
Мутной пеленою,
Плотною завесой
От тебя укроет
Свои тайны лес.
Скроет, не покажет
Как под старой елью

В струйках родниковых
Родилась река,
Как с зарей поднявшись
С моховой постели,
В озере таежном
Моет лось рога.

Утает, не выдаст,
Где лисят лисица
Летним полднем учит
Грамоте лесной,
Где скиталец-ветер
Ночью спать ложится,
Выстлав изголовье
Желтою листвой.

По заветным тропкам
Не сведет к поляне,
Где брусникой брови
Красят косачи,
Где сквозь лист опавший
В утреннем тумане
Стайками выходят
Грузди-мохначи.

Мало ль былей, сказок,
Песен здесь разлито?!

Но, поверь мне, будешь
Как глухой ходить...
А ведь все доступно,
Все в лесу открыто,
Только лесу надо
Сердце подарить.

1964

* * *

Столетних сосен гонкие стволы
В лучах заката, словно золотые.
Медвяный запах ягод и смолы.
Дымок костра да шорохи лесные.

Да комары, да говорун-ручей,
К родной реке удавший из болота,
И двое нас, приезжих москвичей,
Любителей рыбалки и охоты.

В морщинках волн широкий перекат:
Гоняют рыбью молодь шересперы.
За лесом где-то – голоса девчат
И северной гармошки переборы.
Кипит уха в солдатском котелке.
Минуты три-четыре – и готова.
Приятель ложки ищет в рюкзаке.
А я в стихи ищу поярче слово.

Чтоб кто-нибудь зимой, прочтя стихи,
Припомнит лето, волны переката,
И свой костер, и аромат ухи,
И шапки сосен в золоте заката.

1965

В ГОРНОЙ ТАЙГЕ

Словно гребень петушиный,
В небе дальних гор черта –
Безымянные вершины
Кантегирского хребта.

Где-то ходит там «Десятый»,
Наш таксатор, мой сосед –
Бородатый и усатый,
Двадцати с немногим лет.

У ручья в глухом распадке
Он разбил свой таборок:
Три брезентовых палатки,
Стол рабочий, очажок.

С ним помощники-студенты,
Молоды и горячи,
По визирям мерной лентой
«Покоряют» кедрачи.

Хоть и есть у хлопцев хватка,
И уменье, и задор,
Знаю сам, как им несладко
В лабиринте этих гор.

Кручи, гнус, клещи, туманы,
По ночам медвежий рын –
Неприступные Саяны
Азиатский материк.

Но не глядя на погоду,
На завалы и гольцы,
Парни делают заходы
В отдаленные концы.

И все меньше «белых пятен»
Остается в тех горах...
Слава смелым и умелым,
Кто презрел покой и страх.

1971-1978

Дмитрий Гиряев

* * *

Простор уснул. Повсюду тишина.
Лишь изредка залает пес дворовый
Да улыбнется сонная сосна,
Стряхнув на землю снег пуховый.

О, дивная, лесная благодать!
Ты даришь мне счастливые мгновенья,
Когда в душе проснется вдохновенье
И так легко и радостно дышать.

16. 02. 92

* * *

Бездостно на скучных берегах
Лесной реки у золотого бора.
Не тинькают синицы на кустах,
Погасла высь небесного простора.

Звенит остекленелая куга,
Оскалено гуляет хлад свинцовый.
Забила русло зыбкая шуга
И в панцирь превращается ледовый.

Настало время беспросветных дней,
Сомнений на путях осенней стыни...
Но светится звезда в душе моей,
Как вещий знак незыблемой святыни.

1991

* * *

Шумит, волнуется дубрава,
А невдали дуб-исполин
Раскинул ветви величаво,
Стоит задумчиво один.

Меня пленит его таинство
И кажется мне в унисон
Я – часть его, я с ним – единство,
Его напев, печаль и стон.

08. 01. 92

* * *

Чуть ветер шелохнет вершины сосен,
И раздается тихий перезвон.
Так схожа с песней золотая осень,
С которой сердце слито испокон.

Дано нам вдохновляться белым светом,
Испив печаль земного бытия.
Сегодня я задумался об этом,
Как будто жизнь кончается моя.

Мне кажется, что лес, как старый воин,
О том же думает в осенней тишине.
Причастности такой же удостоен,
Он, как соратник, в жизни дорог мне.

Ожигово 07. 92

УТРО В ЛЕСУ

Еще снежком укрыты берега
И серебристый иней красит ивы,
Сверкает льдом упругая слега,
Наброшенная на ручей игравый.
И все же время чередою дней
Растопит и снежок, и иней.
И зашумит зеленый берендей,
Как Зевс хмельной перед богиней.

01. 04. 93

ПЛАЧ ЛЕСА

Я видел ночью, как берёзы,
Склоняясь к ивам молодым,
Роняли призрачные слёзы, –
И плакал лес, тоской томим...

Он плакал, о весне тоскуя,
О лете знойном плакал он
И думал, как мороз закроет
Всё на земле своим плащом;

Раскинет звёзды золотые,
Пойдёт дорогой средь полей,
Наряды сдёрнет дорогие
С берёз и нежных тополей;

Узор на окна набросает,
Разгонит в лог лесных зверей,
И в шубы кутаться заставит
Всех выходящих из дверей;

Самодержавно рукою
Он остановит бег воды,
Покроет коркой ледяною
Озёра, реки и пруды.

Так плакал лес, роняя слёзы,
Весь изнывая от тоски...
Лесные погибали грёзы
Под мановением злой руки.

ЦВЕТЫ

Цветы?
Люблю. Но пусть друзья мои
О вкусе спорят явно и келейно:
Я не могу пристрастия двоить –
Я не люблю цветов оранжерейных.

Им всё дано: тепло, уход и свет;
За стёклами их прячут от мороза;
Их приучают к вычурности, к позам;
В них красоты непринуждённой нет.

Их продают, недёшево, но всё ж
Их может взять за деньги всякий-каждый.
Их встретишь реже возле честных лож,
Их чаще ставят возле лож продажных.

Их цветовод по точному расчёту,
По заданным стандартам создаёт.
Хотят напиться? И вода течёт им
По горлу корня в беззаботный рот.

Им утоляют удобреньем голод,
Чтоб ни один бездельник не поблёк...
А вот
в степи, сожжённой солнцем, голой
Качает ветром дикий стебелёк.

Надломленный вчерашним ураганом,
Едва живой, он всё-таки цветёт.
Он сам себе залечивает раны,
По дням не ест, росу по каплям пьёт.

Его никто не поит и не кормит.
За право – жить, своим трудом борясь,
Он в кремнезём проталкивает корни,
С родной землёй до смерти держит связь.

Над ним лютует мачеха-природа,
Вся жизнь его – бессменная война,
Чтоб, выбрав срок для продолженья рода,
Вокруг рассеять щедро семена.

На том же месте, пусть не через год,
Хотя одно из них, но прорастёт...

Давайте молча постоим немного
Над сказочной симфонией цветка.

Пускай живут – красивые, простые –
Ни одного цветка не погублю.
Не рвите их, и полюбите вы их
Вот так же чисто, как я вас люблю.

БЕССЕРДЕЧНЫЙ

Начесав на брови чёлку,
Кепку сдвинув наповал,
Шёл мальчишка по посёлку,
Что-то под нос напевал.

На зелёном перекрёстке
С тротуара вбок свернул,
У молоденькой берёзки
Ствол ногою перегнул.

Вынул ножик перочинный,
Ствол от веток оголил
И с улыбкою невинной
У земли перепилил.

Жалко деревце, не жалко –
Он у сердца не спросил.
Смастерил такую палку,
Хоть на выставку неси.

В сквере – пень на голом месте,
Но мальчишка не грустит,
Что берёзке, как невесте,
Восемнадцать лет расти.

Как могла бы распрямляться,
Колыхая листвьев сеть!
Стали б люди удивляться
Молодой её красе.

Украшала город новый
И жила б в расцвете сил,
Если б парень непутёвый
Жизнь её не загубил.

О ЖИЗНИ

Умру, как все. Но, перегноем став,
Проникну в корни, в сок весенних трав;
Проникну в жёсткий ствол карагача,
Листвой стихи о юности шепча.

И позову под сенью отдохнуть
Всех, кто ещё земной не кончил путь,
Чтоб, дав приют до утренней зари,
О жизни по душам поговорить:

Умру, как все: Ну, что ж, такой закон
Природою бессмертною рождён.
Пусть нет тебя ни там, ни тут,
Но есть тобою совершенный труд, –

Любой из нас в последний час не всё
Из памяти народной унесёт.
И если ты народной болью жил,
Всё, что имел, всё, чем ты дорожил,

Биенье сердца, думы и слова
Народу бескорыстно отдавал,
Не опорочил рук, души и глаз, –
Встречай бесстрашно свой последний час.

Ты не исчезнешь, ты не пропадёшь,
Пусть нет тебя, – ты все-таки живёшь,
Вливаешь душу в чашечку цветка:
Пусть прилетит пчела издалека,

Душистый сок из венчика возьмёт
И превратит в животворящий мёд –
Посмертный дар с моих родных полей
Во славу вечной жизни на земле.

ОСЕННИЕ СТРОЧКИ

«Отговорила роща золотая
Берёзовым весёлым языком...»
Сергей Есенин

Снова – осень, снова – увяданье,
Снова над просторами земли
Медленную строчку:
«До свиданья!»
Крыльями выводят журавли.

Золотая осень – бабье лето –
Изморозью выткана трава.
До свиданья – песням недопетым,
Золотым несказанным словам!

Гроздьями рубиновые зёрна
Рдеют на рябиновых кустах.
Зеркала озёрные подёрнул
Предрассветный хрупкий ледостав.

Залегли в глубинных ямах рыбы,
Не грохочут громы, онемев.
Лету миновавшему, спасибо!
Здравствуй! – подступающей зиме.

Оглянись на пройденные годы,
В памяти все дни перелистав, -
Мудро диалектика природы
Создала незыблемый устав:

Всё на свете движется по кругу,
Вечный, неразрывный хоровод –
Журавли весной изменят югу
И начнут на север перелёт.

Нет на свете встреч без расставаний,
Без шипов не выращено роз,
Нет любви глубокой без страданий,
Дня – без ночи, радости – без слёз...

Осень жизни... Сдаться ей на милость?
Сколько же (невольно вспомнишь вдруг)
Не допелось, не договорилось!
И на этом замкнут будет круг?..

Завершится скучным многоточьем
Автобиография твоя,
И тебя, как миллионы прочих,
Вычеркнут из книги бытия?..

Не хочу гадать о дне и сроке –
Круг замкнётся венный день и час...
А весне грядущей эти строки
Золотая осень передаст.

* * *

Вот и снова восемь
Месяцев прошло.
Постучалась осень
Дождиком в окно.

Словно постирала
За ночь все окрест.
Солнце засияло
В золоченый крест –

Потеплели листья
Кленов и осин,
Полыхают кисти
На ветвях рябин,

Пестрой позолотой
Лес глаза слепит,
Клюква на болотах
Без огня горит.

Лишь сосна да елка
Поглощают свет.
Тот, кто весь в иголках,
Не меняет цвет.

НА ЛЕСНОМ ПОГОСТЕ

Валежник осины
Торчит из трясины,
А к озеру ближе
В серебряной ризе
Покоятся моши
Березовой рощи.
Над пнями сугробы
Стоят как надгробья,

И вместо крестов –
В ограде кустов
Деревьев останки.
Их смертные лики
Оплакали галки.
Затихли все крики.
Закончилась месса
Над прахом за деньги
Казненного леса.
И только лишь ветер,
Не связанный лесом,
Над скорбным покоем
Проносится бесом.

В ЛЕСУ

Пряное утро. На травах медвяных
В каплях хрустальных ночных дождя
Свет охлаждается жарко-багряный,
Марево, зной на полянах суля.

Лес встрепенулся – и хрустнули ветки,
Словно дух ночи, взлетела сова,
А на сосне, как цветная пометка,
Пестрого дятла видна голова.

В воздухе влажном лучи проявились,
Солнце неспешно пьет с листьев росу...
Если б еще и грибы появились,
Кажется, вечно бродил бы в лесу.

ПРИМЕТЫ ВЕСНЫ

Светлый свод небесный снизу горизонтом окольцован.
По кустам, одетым в ризы, воробы разносят гомон.

Всюду пышные сугробы солнце в корки запекает,
Слышно, как под белой сдobby в них распутица вздыхает.

Речка дышит через жабры полыней на перекатах.
Ручейков упругой шваброй ветер трет холмы на скатах.

А в лесу деревьев купы в полушибках и дубленках,
Но дырявые тулуны еле держатся на елках.

И везде весны приметы, как цветы, я собираю
В лучезарные букеты и к ногам твоим бросаю.

На лице твоем веснушки – знак весны и солнца мета...
Мне приснился нынче Пушкин, подскажи: к чему бы это?

СОСНЫ

Окружили рощу сосны вековые
И стоят вдоль края, словно часовые.
А одна увяла, высохла, как мозги,
Все ж она осталась на границе рощи.
Вниз кора сбежала, почернела крона –
Голый ствол, как свечка, прям и без наклона...
Высоки – в полнеба – и к тому же пригожи,
Сосны вековые на солдат похожи:
Рост у них гвардейский, выправка что надо.
Встали в строй по росту, будто для парада.
В возрасте почтенном сберегли осанку.
Умертвить их можно – не согнуть в бараку.
Так и мне с годами не терять бы стати.
Не хочу разбитым встретить смерть в кровати.
Не хочу богатства, не хочу покоя –
Жить бы интересно, умереть бы стоя!

Иван Ерзин

ГРОМ

Над горизонтом грянул гром
И парк он пробудил
От сна, который в знойный день
Был столь необходим.

И парк проснулся, зашумел
Листвой могучих крон –
Он целый день, как целый век
Мечтал быть пробуждён!

И хлынул дождь, листву умыл
И землю пропитал
Он тоже, может быть, давно
С ней встретиться мечтал.

И вот – сошлось, и пробил час,
И лужи напились!
И ветер смолк, и вокруг нас
Деревья смотрят ввысь.

Внезапный сильный летний дождь
Прохладой парк обдал.
Бывает, что чего-то ждёшь...
Так вот: его я ждал!

И партию сыграв свою,
Дождь понемногу стих.
Так в парке старом на краю
Гром превратился в стих...

АКУСТИЧЕСКИЙ ТАНЕЦ

Было ли так:
Сиреню
вечер на город
хлынул,
Тени у живописцев с красками
Умыкнув.
Нет,
не успеть,
наверное,
Вылепить,
чтоб без сглаза –
Требуй
вначале
контур,
Хочется же все сразу!

С чьей, все-таки, подачи –
С визгом
уходит
кисть –
В белую сущность копоти
Вальс, фейерверк и твист...

Злобу отмеривши четко –
Вонзай
Доброты
копье,
Достань в колчане синкопу,
Подстегивай смелость ее.

И, обратившись наискось,
Вера в холодный рассвет
Опустошительный наигрыш
Примет за звон монет.

Набросок

Зима цепляется за ветви и пеньки,
Сугробы прячет за кусты густые.
Но все длинней весенние деньки,
Все меньше времени для зимней стыни.

Поляна

На краю поляны сгрудились кусты,
Как расти здесь тесно, как убого.
Отпроситься б им теперь у бога
И бежать осваивать пустыри

Дятел

Очередью бьет и одиночно
Дятел на березовом стволе.
На хвосте своем уселся прочно,
Словно бабка-ёжка на метле.

Ищет он личинки под корою,
Не беда с успехом или без,
И любуется такой игрою
По-весеннему умытый лес.

* * *

Запуржило и запорошило
Тополиным пухом хорошую.
Тополиным пухом, как снежностью,
Да еще моей нежной нежностью,
Да еще моей нежной ласкою,
Словно древней, древнею сказкою,
Что зовется любовью исстари
В тишине Берендеевой пристани

Зимний мотив

Поползни, синицы, снегири.
Под кустом мелькнувший рыжий хвост.
Первый луч проснувшейся зари
Молчаливый осветил погост.
Сказкой Берендеевых палат
Взбралились дубы на косогор.
Словно станом русичи стоят,
В порубежии верша дозор.
А по долу стылые дымы,
А по долу хороводы хат,
Съежившись в объятиях зимы,
От мороза белые стоят.

Наум Коржавин

* * *

Небо за пленкой серой.
В травах воды без меры:
Идешь травяной дорожкой,
А сапоги мокры...

Все это значит осень.
Жить бы хотелось очень.
Жить бы, вздохнуть немножко,
Издать петушиный крик.

Дует в лицо мне ветер.
Грудью бы горе встретить
Или его уничтожить.
Или же — под откос.

Ветер остался ветром,
Он затерялся в ветлах,
Он только холод умножил,
Тревогу-тщету принес.

Но все проходит на свете,
И я буду вольным, как ветер,
И больше не буду прикован
К скучной точке одной.

Тогда мне, наверно, осень
Опять понравится очень:
«Муза далеких странствий»,
Листьев полет шальной.

1950

* * *

Нелепые ваши затеи
И громкие ваши слова...
Нужны мне такие идеи,
Которыми всходит трава.

Которые воздух колышут,
Которые зелень дают.
Которым все хочется выше,
Но знают и меру свою.

Они притаились зимою,
Чтоб к ним не добрался мороз.
Чтоб, только запахнет весною,
Их стебель сквозь почву пророс.

Чтоб снова наутро беспечно,
Вступив по наследству в права,
На солнце,
Как юная вечность,
Опять зеленела трава.

Так нежно и так настоящее,
Что — пусть хоть бушует беда —
Ты б видел, что все — преходящее,
А зелень и жизнь — никогда.

1950

УТРО В ЛЕСУ

Девушка расчесывала косы,
Стоя у брезентовой палатки...
Волосы, рассыпанные плавно,
Смуглость плеч туманом покрывали,
А ступни ее земли касались,
И лежала пыль на нежных пальцах.

Лес молчал... И зыбкий отсвет листвьев
Зеленел на красном сарафане.
Плечи жгли. И волосы томили,
А ее дыханье было ровным...
Так с тех пор я представляю счастье:
Девушка, деревья и палатка.

1954

* * *

Уже июнь. Темней вокруг кусты.
И воздух - сух. И стала осень ближе.
Прости меня, Господь... Но красоты
Твоей земли уже почти не вижу.

Всё думаю, куда ведут пути,
Кляну свой век и вдаль смотрю несмело,
Как будто я рождён был мир спасти,
И до всего другого нет мне дела.

Как будто не Тобой мне жизнь дана,
Не Ты все эти краски шлешь навстречу...
Я не заметил, как прошла весна,
Я так зимы и лета не замечу.

...Причастности ль, проклятья ль тут печать
Не знаю... Но способность к вдохновению
Как раз и есть уменье замечать
Исполненные сущности мгновенья.

Чтоб — даже пусть вокруг тоска и зло,—
Мгновенье то в живой строке дрожало
И возвращало суть, и к ней влекло,
И забывать себя душе мешало.

Жизнь все же длится — пусть в ней смысл исчез.
Все ж надо помнить, что подарок это:
И ясный день, и дождь, и снег, и лес,
И все, чего вне этой жизни нету.

Ведь это — так...

Хоть впрямь терпеть нельзя,
Что нашу жизнь чужие люди трятят,
Хоть впрямь за горло схвачены друзья,
И самого не нынче завтра схватят.

Хоть гложет мысль, что ты на крест идешь,
Чтоб доказать... А ничего не будет:
Твой светлый крест зальет, как море, ложь,
И, в чем тут было дело,— мир забудет.

Но это — так... Живи, любя, дыша:
Нет откровенья в схватках с низкой ложью.
Но без души — не любят... А душа
Всевластием лжи пренебрегать не может.

Все рвется к правде, как из духоты.
Все мнится ей, что крылья — в грязной жиже.
...Мне стыдно жить, не видя красоты
Твоей земли, Господь... А вот — не вижу.

1972

Екатерина Коровина

ЛАДОНИ ПАХНУТ СЕНТЯБРЕМ

Ладони пахнут сентябрем.
По лужам вновь гуляет ветер,
И мы поем вдвоем с дождем,
Играя на лучах рассвета.

Ладони пахнут сентябрем.
На листьях все еще зеленых
Поэмы пишет старый клен
О нас с тобой — о двух влюбленных.

Ладони пахнут сентябрем.
И пальцы чувствуют прохладу.
Мы, взявшись за руки, идем
По опадающему саду.

Ладони пахнут сентябрем.
То тут, то там осколки света.
Легко дышать осенним днем,
Природа празднично одета.

Деревья все горят огнем...
Ладони пахнут сентябрем...

сентябрь, 2007

ПОЖАР

Солнце загорелось от деревьев,
Что горят по осени уставшей.
Все так говорят, но я не верю.
В воздухе кружится лист опавший.

В сумраке вечернем небо тлеет,
Горизонт листвою засыпает.
Я всем говорю, но мне не верят.
Машет веткой осень золотая.

И горит в глазах огонь заката.
Словно чьи-то знающие руки
Создавали на холсте когда-то
Эти краски, запахи и звуки.

Лист, кружась, в траву пожаром ляжет,
Солнце, доторая, станет красным.
За спиной кто-то тихо скажет:
«Эта осень... как она прекрасна!»

октябрь, 2007

* * *

Ветер в клочья порвал одежду замерзающих старых кленов,
Раскидал по пустому парку, по тропинкам под ноги людям.
Обезумев, дождем швырялся в грязно-серый бетон балконов,
Прибивая остатки пыли к поржавевшей решетки прутьям.

Диким стадом неслись над крышей, задевая антенны, тучи.
Усмехался осенний ветер, вырывая зонты у «смелых».
На мгновение все утихло. И из листьев промокших кучи
Показалась сухая пара клена звездочек мутно-белых.

Две частички, похожих очень. Два кусочка двух разных
судеб
Оказались случайно рядом на ковре из своих собратьев.
Всего несколько дней – их жизнь и... И другой никогда
не будет.
Человек в темно-синем шарфе наклонился слегка поднять их.

С той поры в постаревшей книге, коей дни отдают поклоны,
Наполняя с секундой каждой ее строки особым смыслом,
Свой покой обрели на веки мутно-белые звезды клена...
Темно-синим шарфом отмечен тот роман о влюбленных
листях.

Октябрь, 2009

* * *

Они шли по осеннему лесу, укрываясь под черным зонтом.
По холодным сереющим лужам, по тропинкам, скользя и
смеясь.

А она ненавидела слякоть за простуду, что будет потом,
Не спеша, осторожно ступая на размокшую серую грязь.

Небо хмурило мягкие брови, желтых листьев срываю букет.
Он смотрел на нее, улыбаясь, а она наслаждалась дождем.
И казалось, что в эту минуту в целом мире счастливее нет
Той девчонки, что так восхищалась разноцветным сырьим
октябрем.

Осень плакала малым ребенком, потерявшим игрушку
в песке.
От дневного светила осталась позабытая мокрая тень.
Босоногий, по лужице топал лист березы, забыв о тоске.
Фонари вдалеке загорались... Подходил к завершению день.

Октябрь, 2009

БЕРЕЗКА

Стоит березка на лесной опушке,
Вокруг цветет весенняя земля,
Как будто оторвавшись от подружек,
Застыла в изумлении она.

А за спиной весенний перелесок
Шумит и шепчет нежные слова,
Цветов весенних пестрые букеты
Ей дарит обновленная земля.

В её глазах зелёных отражаясь,
Плынут жемчужной нитью облака,
И журавлей курлычащая стая
Летит неспешно в солнечный закат.

На платье белое красавицы невесты
Упали косы молодой листвы,
А плечи в золото закатное одеты,
Их покрывает тонкий шёлк фаты.

Стоит березка молодой невестой,
Вокруг с триумфом катится весна,
Стоит, как украшение перелеска,
Пейзажу русскому прекрасная сестра.

2007

* * *

Я керны выколупывал из сосен,
Из глубины одревесневших тел,
И воздух был в бору прокупоросен,
И мой рукав был от живицы бел.
В уремных сушняках желна вопила,
И марь дышала жаром, как в печах,
И бор, разъятый солнцем на стропила,
Казалось, плыл в его косых лучах.
Оттягивала плечи мне двустволка,
Баклага колотила по спине.
На всю страну сорока-белобока
Распространяла сплетни обо мне.
Мне – черт возьми! – не до сорочных сплетен.
Но оказалось, вся лесная Тверь
Считала, что на этом белом свете
Я есть как раз тот самый страшный зверь.
Пропахший табачищем, потом, дымом,
Небритый, как кержак или корел,
В лесном обходе, мрачном, нелюдимом,
Я сам похлеще зверя озверел.
Я мог бы завалить медведя пулей
В упор, чтоб сразу и наверняка.
А я, чудак, спешил подкараулить
Расцвет зари и детский взгляд цветка,
Сквозь бор увидеть светлую полоску
Болотца, где жируют глухари,
Нагнувшись, зачерпнуть черники горстку,
Хотя черники – хоть ведром бери!..
И жизнь текла, и жизнь грозой дышала,
Одышиловой давила тишиной,
И нечисть настораживала жало,
Следя из-под валежины за мной.
Мне нипочем и потный мрак зловещий,
И тишина, что тяжелей свинца.
И лаповых сомкнутые клещи

Я отводил с улыбкой от лица.
И обличен душой, не обезличен,
Не растекался в страхе киселем,
Я был в лесу и лешим, и лесничим.
Я молод был, удачлив и силен!

1999

БОЛЬНЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Как свечные тусклые огарки,
В ржавой хвое – с летом невспад –
У дороги елки-перестарки
На ветру простужено скрипят.
Им не расшуметься в буре гулкой,
В старых ранах запеклась смола.
Гриб коварный – корневая губка
Их под самый корень подсекла.
По стволам замшелым, толстокорым
Липкий дождь сполна отморошил.
Старый ствол держать устали корни,
Напрягаясь из последних сил.
Страшно им со смертью согласиться,
Распроститься с небом навсегда,
Жить и знать, что никакая птица
В мертвой кроне не совьет гнезда.

Щелковский лесхоз

* * *

Август бредит осенью
На лесной меже.
Так светло и сосенно
Утром на душе.
В шелесте березовом
Сердцу грусть сладка,
Словно от морозного
Первого глотка.

У лесной закраинки
Зори в бересте.
Первые накраинки
Охры на листе.
Озерка латунного
Проблеск в глубине.
Счастье не придумано –
Все оно во мне!

* * *

За каждый кустик быть в ответе,
За лист, за лилию в пруду...

А вдруг я сам на этом свете
Себя однажды не найду?
Опустошенный, обнищавший,
Забрел спросонья в буерак,
Брошу по вырубленной чаше,
Не возвращусь в себя никак,
Кругом пеньки – куда ни гляну,
Не знаю сам, куда бреду.
Найти б вчерашиблю поляну,
Кувшинку солнную в пруду!..
На всем лежит печать уродства,
От рек зловонием разит,
Не дождь, а стронций-90
Из мрачной тучи моросит.
Отвалы преюющих опилок,
Машинный лязг – как визг чертей,
И явственней черты дебилов
На лицах собственных детей.

... Чтобы умными рождались дети,
Чтобы дождь не нес земле беду,
За каждый кустик будь в ответе,
За лист, за лилию в пруду...

БОРЫ

Набиты светом до отказа,
В смолистых запахах коры –
Боры. Они отрадней глазу,
Чем ельники. Они добры.
Звень ясных сосен – стать литая
Над синью северных озер.
А ельник чем-то угнетает,
Угрюмый, как гипнотизер.
В нем монотонный скрип лесины,
Как заклинанье, как мольба,
И чей-то взгляд – озnobный, в спину, –
Из-под нахмуренного лба.
Здесь страх живет, колюч и жилист,
Здесь свет в овчинку, а в бору
И мысль – свежа, и мох – пружинист,
И тропка малая – к добру.

Марина Лагунова

МОЙ ДРУГ

посвящается П.М. и Я-А

Лес принадлежит мне. Вы можете сказать: «Что за эгоистка!» Или: «Какая глупая! Лес, он ничей. В крайнем случае, государственный».

Конечно, у меня нет никаких бумажек, заверенных нотариусом свидетельств...

Но стоит мне сбросить с себя груз быта, выкроить время и заглянуть в зелёное королевство жизни, как приходит понимание: лес – мой.

Мой... дом?

Место, куда возвращаешься, что бы ни произошло?

А случается в жизни всякое. Сегодня думаешь, что всё хорошо, всё удаётся, удача одаривает сияющей улыбкой... А завтра оказывается, что друзей у тебя нет, благосклонности судьбы нет, здоровья... тоже нет.

Жизнь похожа на океан, бурный и непредсказуемый. Волны могут сбить с ног... Накрыть с головой, отнять дыхание, бросить в пучину, туда, куда не способны проникнуть лучи солнечного счастья. Волны же могут и поднять тебя ввысь и нести на своём гребне по просторам времени...

А затем... Снова сбить с ног.

В жизни случается всякое... И только лес, величественный остров посреди беспокойного океана жизни, никогда не подведёт. Только лес никогда не изменит. Только лес никогда не предаст.

Ты никогда не придешь к Нему в гости не вовремя. Никогда лес не скажет: «Я занят! Мне сейчас не до твоих проблем!». Или: «Знаешь, я устал слушать твоё нытьё!» Или: «С тобой неинтересно!»

Вы можете сказать: «Естественно. Лес-то говорить не умеет, вот и не скажет ничего такого».

Неправда. Лес умеет говорить.

Входишь в царство деревьев и тут же слышишь шум листвы:
«Здравствуй, человек! Я ждал тебя, знал, что ты придёшь... Не забыл ещё своего изумрудного друга? Я рад!»

Идёшь... И слышишь, как кругом кипит жизнь.

«Кто я здесь?» — думаешь ты. — «Неудачник, которому некуда больше деться?»

«Ты один из нас», — отвечает лес тихим шелестом.

«Из вас?»

«Из живых существ, детей матери-природы».

«Но я же... Без друзей, без денег, без славы... Никто не понимает... Так трудно... Мне так трудно... Я...»

«Зато ты жив», — говорит лес и веткой ударяет тебя по плечу.

И, почувствовав секундную легкую боль, понимаешь, что...

Что всё-таки живёшь и чувствуешь, а это уже само по себе немало.

А проблемы — просто тлен. Разве лес не страдает? Разве не погибают деревья, кусты, разве не умирают животные и птицы?

Но сам лес, несмотря ни на какие потери — держится. Много-много столетий...

Так и ты держись!

Вновь и вновь прихожу я в лес, вновь и вновь лес говорит мне: держись!

Мой лес... Мой верный друг, мой мудрый советчик.

Что бы ни случилось — у меня есть лес! Разве этого мало?

Лес есть у меня... Лес есть и у вас.

Лес есть у каждого, но на него не нужны документы.

Ведь мы же не оформляем документы на друзей? Наши друзья принадлежат нам лишь потому, что мы принадлежим им.

И лес, необъятный и великий, вечный и величественный, будет принадлежать вся кому, кто поделится с ним хотя бы маленькой частичкой своей живой души.

Николай Леснов

КИКИМОРА

Виктор Холодов, лесничий комплексного лесхоза, что разместился на обеих берегах р. Кама в северной части Пермского края, ранним апрельским утром стоял на обрыве у реки. В воздухе уже можно было уловить едва заметные признаки весенних запахов. Снег еще не сдал своих позиций, его глубина в лесу достигала более полутора метров, лишь на солнечной стороне береговой линии реки можно было заметить слабые проталинки.

Конюшня, неподалеку от конторы лесничества, была почти до крыши завалена снегом. Да и к конторе лесничества, до которой от берега не более 100 м, Виктор только вчера самолично прочистил узкую дорожку. Прийти сюда, на берег р. Камы, желающих прогуляться ранней весной (которую только по календарю можно было и заметить) было очень мало.

Виктор тщетно всматривался в закрытое кучевыми облаками небо, ухо жаждало услышать клич вожака гусиной стаи, такие знакомые и желанные переклики пролетающих клиньев этих удивительных птиц, но было видно по всему, что еще рано.

Весенняя охота на гуся была для Виктора одним из самых волнующих событий. Он жил ожиданием пролета гусей, которые почти все годы его работы в лесничестве летели над конторой целую неделю в последних числах апреля. Им оставалось еще дней 15 пути до Баренцева моря.

Виктор помнил почти дословно строки из книги Леонида Павловича Сабанеева «Русская охота»: «гуси — птицы из семейства утиных. Это, без сомнения, умные, понятливые и осторожные птицы; они не доверяют человеку, отлично различают охотника от пастуха, выставляют сторожей и с рассудительностью принимают все предосторожности ради своей безопасности».

Именно эти качества гусей привлекали настоящих охотников к состязанию, как говорится «на равных». Виктор уважал эту природную страсть гусей к выживанию, их силу и выносливость, красоту полета и стать в походке. И если инстинкт птицы заставлял ее преодолевать дважды в году расстояния в несколько тысяч километров, то не менее сильный природный инстинкт охотника неистребимо жил и волновал Виктора.

Каждую весну и осень он ощущал это свербящее душу ожидание открытия охоты на водоплавающую дичь, пропустить сезон охоты было выше его сил.

Две недели до первого мая прошли в хлопотах и заботах о предстоящем в мае лесокультурном периоде. И хотя в этом году план лесопосадочных работ был невелик (всего 54 га, да еще около 120 га содействия естественному возобновлению), подготовка инвентаря, переброска за Каму горючего, инструментов и всего прочего по ледовому мосту через реку, отнимали много времени.

И вот он – праздник охотничьей страсти! 30 апреля, в 4 часа, почти еще по темному, Виктор спустился к реке и прямо против контроля лесничества (где он и жил на втором этаже деревянного здания), спокойно и уверенно пошел по хрустящей корочке наста, не желая идти к переправе, где был наморожен и исправно служил еще ледовый мост. Он знал от лесника Котова, что лед в этом месте около 60 см даже на середине реки, да и нога чувствовала прочность ледяного панциря, тем более после ночной морозца. Ледоход в этом месте, как правило, начинался не ранее 10-12 мая. Виктор нес рюкзак с «кикиморой» и свое любимое ружье – 5-ти зарядное, перезаряжаемое автоматически отдачей ствола, марки МЦ 21-12.

Кикимора – удивительно разумное и по-русски изобретательное маскировочное укрытие для охотника, позволяющее даже на совершенно открытом пространстве изобразить случайно оставленную копну сена. Именно эта маскировка позволяла ему добывать больше других местных охотников птицы вот уже 2 сезона. Но в эту весну все пошло не так как он планировал.

Не успел он подыскать подходящую прогалину, где могли остановиться на отдых гуси, как повалил мокрый снег, чего нельзя было никак ожидать после ночной мороза и ясного неба. Понемногу начинало светать, исчезли на небе звезды, откуда-то начали наплывать отдельные тучки и проявляться порывы северного ветра. На душе охотника как бы тоже похолодало, но надежда его на удачу была непоколебима.

Ветер все усиливался, снежинки то исчезали, то неожиданно, очередной порцией завихряясь и затем, замедляя падение, опускались на деревья, прогалину и на расположившегося для охоты Виктора. И тут он услышал долгожданный звук – гогот гусиной стаи, который он не мог бы спутать ни с каким другим звуком. Сердце охотника заби-

лось так быстро, что он еле совладал с собой и заставил охотничую душу немного успокоиться. Но то, что произошло потом, Виктор помнил всю свою жизнь!

Внезапно налетел такой сильный и плотный шквал в виде крупных и мокрых снежинок, что вся прогалина за несколько минут покрылась слоем снега, который тут же покрывался коркой. Виктору стало не по себе. А как же гуси, только успел подумать он? Но ответ буквально свалился на него с неба: около сотни гусей резко, без привычных маневров перед посадкой, сели прямо в центр прогалины, который немного возвышался и где по-охотничьи мудро устроился Виктор.

Пока гусей еще не совсем залепило мокрым снегом, он успел понять, что это стая черной казарки (*Branta bernicla*), которая является особенно привлекательным объектом охоты у эскимосов из-за вкусного мяса. Вся птица темно-серого цвета, но голова, шея, а также маховые и рулевые перья – черного цвета. Это и позволило, за те короткие мгновенья, пока гусей не закрыл белый саван, оценить охотнику – что за гусь перед ним.

Казарке некогда было разбирать – есть ли опасность на этой прогалине и что за копна в ее центре. Все решали секунды, но и на земле не было спасения. Не было времени на раздумья и у Виктора. Инстинкт охотника мгновенно подсказал ему как поступить и что делать. Он даже не осознал вначале, что эта реакция у него оказалась сильнее и сработала быстрее, чем он обычно гордился, когда за доли секунды успевал выцепить летящую быстро птицу, выбрать нужное упреждение и нажать на спусковой крючок.

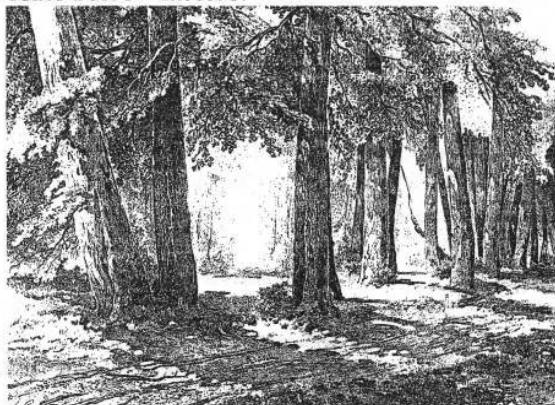
Сбросив с себя «кикимору», он руками, ногами, ползая по мокрому снегу, освобождал от налипшей корки из мокрого снега одну за другой казарку, повторяя как молитву латинское название птицы, зашедшее в его мозгу еще с тех пор, когда сдавал зачет по дисциплине – «Биология лесных зверей и птиц». Сколько прошло времени, и всех ли птиц он успел отыскать и освободить из снежного плена он не помнил. Просто вдруг он ощутил, что снежный «заряд» прошел, вновь стало тихо и гуси (а некоторых он в сумятице своих почти лихорадочных действий очищал по 2-3 раза), начали сами отряхивать остатки снега и даже пытались издавать какие-то хриплые звуки. Птица не реагировала на охотника – так она была измучена и, видимо, ошеломлена.

Посчитав, что лучше всего попытаться поднять стаю на крыло, Виктор, сломав несколько стеблей росшего на прогалине кустарника, стал исполнять роль пастуха гусиной стаи. Измученный не менее, чем казарки, весь вымокший и прдорогший, он мечтал только о том, чтобы стая поднялась в небо. И чудо свершилось: вожак стаи издал один, затем другой клич и стая медленно начала подниматься с этого, чуть не ставшего ей могилой, возвышения на лесной прогалине.

Виктор затолкал как попало свою «кикимору» в рюкзак, взял ружье и поспешил, пока не замерз окончательно - к реке. Но вдруг он заметил, что стая сделала круг над этим и опасным и счастливым, одновременно, местом на довольно низкой высоте. Вы что, хотите попасть на мушку? Летите быстрее и повыше, кричал им Виктор, с удивлением, отмечая боковым зрением охотника зашевелившийся белый комок метрах в 50 от него.

Подбежав к этому, им не обнаруженному в снежной пелене гусю, он тщетно пытался очистить его крылья от ледяной корки. Гусь был жив, и тогда стало Виктору понятно, что маневр стаи был до предела мудр – лишь убедившись в том, что человек взял птицу на руки и у нее есть шанс выжить, стая, издав многоголосный гогот, стала набирать высоту и вскоре ее закрыли от наблюдения кроны деревьев, растущих по периметру этой лесной прогалины.

Виктор завернул в «кикимору» спасенную от верной гибели казарку и так припустил к дому, что уже на середине ледового перехода через Каму, почувствовал как пот струится у него по спине, а до теплого дома уже было всего – ничего.

Александр Летин

РАССКАЗ НИ О ЧЕМ

Ну, не совсем уж ни о чем. Так, рассказ о встречах в лесу. С чем или с кем можно в лесу встретиться? С птицами, со зверьками, с грибами, с ягодами, с грибниками.

Я собираюсь рассказать о грибах. Люблю побродить по лесу. Грибы чаще всего только предлог для самого себя, чтобы выбраться в лес, но и, конечно, отварные или жареные грибочки да с молодой картошкой, со сметаной – пальчики оближешь. А соленые, а маринованные! А зимой под трескучие морозы вытащить из морозильника, разморозить да на сковородочку. И такой аромат пойдет, так летом запахнет, что вроде и морозов уже нет.

Вспоминается, конечно, что-то необычное или красивое.

Пошли мы с приятелем как-то раз за грибами. Долго ли ходили или нет, не помню. Но вышли на полянку. Не болото, но сырь. И вся она покрыта ярким зеленым мхом. А точно в середине поляны во мхе стоят два коричневых красавца белых гриба. И так они были красивы, что с тех пор как увижу в лесу похожую поляну, спешу к ней. Но больше ни разу ни одного гриба я на них не нашел. Но надежды снова увидеть такую красоту не теряю.

Другая история произошла лет сорок назад. Жили мы тогда на даче у знакомых. Дача известного человека, пользовавшегося большим уважением и почетом. И соответственно, участок для дачи очень большой – полтора гектара, огороженные глухим забором.

Мы там жили в небольшом летнем домике, окруженном лесом. Грибы и ягоды собирали, не выходя с участка. Младший сын, которому тогда только исполнилось два года, по утрам, извините за подробности, бегал за 10 метров в туалет и приносил ведерко грибов. А за забором вытоптанный лес без каких-либо даже намеков на грибы или ягоды.

Заходил к нам один знакомый, живший по соседству. Приходил и завидовал: «У вас тут и грибы, и ягоды, и орехи лесные. А у нас кроме народа ничего нет». Дети у нас были ровесники, так что выгуливали мы их вместе. В конце августа зашел за ним позвать на вечернюю прогулку. Подхожу к калитке. Во дворе у самой калитки береза старая, уже давно засохшая стоит. Поднимаю голову – вся береза по-

крыта толстым слоем опят. Но растут они только с высоты метра 2 над землей. Внизу ствол чистый. Зову приятеля.

— Ты грибы у себя на участке собирал?

— Издеваешься? Какие тут грибы. Поганок, и тех нет.

— Да? А как ты к опятам относишься? Если не берешь, то я готов пострадать за тебя.

Чувствует он неладное, но никак не догадается.

— Ладно, — говорю — ты голову-то подними. Нечего все время под ноги смотреть, не свалившись.

Глянул он на березу и побежал за стремянкой. Собрал грибов ведра три, но в тот вечер мы детей не выгуливали.

Приглянулось мне одно место. Не то чтобы уж шибко грибное, но с пустой корзиной оттуда не уходил. Главное, малолодное. Вроде и близко, но вдали от привычных дорог.

Приедешь на электричке и размышляешь, куда пойти. Можно прямо, место хорошее, можно назад, можно направо, можно налево. Всезда хорошо. Хоть монетку кидай.

Осенью заскочил я туда на пару часов. Через три часа обратный поезд, а следующий еще через пять.

Вошел в лес. Стал дождь накрапывать. А грибов нет. Ничего нет. Иду, дождь сильнее, настроение ниже. Попадается грибник на встречу с полной корзиной опят.

— Интересно. У Вас корзина полная, а я вообще никаких не видел.

— Вы дальше пройдите. Вы просто до них еще не дошли.

Минут через пять дошел. Опять полно, но земляные, те, что на земле растут. Гриб хороший, да собирать его мука одна. Самое хорошее, встать на четвереньки и ползать.

Выхожу на поляну. Поперек бревно лежит. А перед ним сплошь опята. Оставил сумку в начале поляны и пошел к бревну — место застолбил. Подхожу, а там вообще грибов столько, что ногу некуда поставить.

Дождь льет. Собрать все это не могу, да и некуда. Тут самосвал нужен, а не корзина. Слыши, где-то неподалеку женщины перекрикиваются. Покричал им. Идите, мол, сюда. Подходит одна с той стороны. Стоит на краю поляны, под ноги не глядит, на меня смотрит.

— Чего кричали? Что нужно?

— Да мне ничего вроде и не нужно. Вы под ноги взгляните. Дальше не ходите — грибы подавите.

Взглянула она на поляну, позвала подругу и говорит: «Не настоящий вы грибник».

— Это почему?

— Настоящий никогда не позовет.

— Да у меня здесь не меньше. Мне что, помирать здесь с ними?

Промок, как говорится, до костей. Полную корзину собрал, большой пакет полиэтиленовый с ручками, что взял на всякий случай, набил. А грибы не уменьшаются.

Время подпирает. Бегу обратно. И тут пошли грибы хорошие. Моховики, польские. Хоть глаза закрывай. Бегу, а сердце от обиды кровью обливается. Остановлюсь — опоздаю. Успел.

По всякому бывает. Можно вернуться с переполненной корзиной, да еще и в рубашку набрать. А то как-то только в лес вошел, сразу нашел два хороших подберезовика. Да, думаю, мала корзиночка, нужно было большую захватить. Пять часов ходил. Все самые грибные места обошел. А те два гриба так и остались в одиночестве. Хорошо, что корзинка была маленькая.

А все-таки, грибы в лесу — не главное. Бредешь по лесу, птиц слушаешь. От земли дух идет пряный, грибной. Выйдешь на полянку, ляжешь в траву. Небо голубое, солнце светит, облака. И так хорошо, да вольно, такая благодать вокруг. И грибов не надо.

А ОНИ ЧУВСТВУЮТ

Хочу рассказать пару историй. Историй необычных. Историй, связанных с растениями.

Вообще-то, я — механик. Не только по образованию, но по мышлению, по жизненному подходу. Нет, с растениями дружу, интересуюсь. Но на любительском, скажем так, уровне. Хотя лет в тридцать собирал гербарий. Мы тогда с сыном таскали охапки трав и пытались по определителю с невзрачными серыми картинками и книге о лекарственных травах узнать, что же мы такое насобирали. И когда удавалось узнать, да еще прочитать про пользу той или иной травки, были очень счастливы.

Но здесь речь о другом. О случаях необычных, и потому памятных. Но обо всем по порядку.

Когда мы только поженились с Ольгой Семеновной, снимали мы комнату в Москве. Старый солидный дом из тех, что сейчас называют «сталинский». Высокие потолки, большие окна и широкие подоконники. На окне в нашей комнате стояли цветы в горшках. Особенно хорошо себя чувствовали пассифлоры. Красивые белые и голубые цветы. В горшки я вставил рамки, на которых вились их тонкие гибкие плети, превращаясь в цветущие шары.

Пассифлоре у нас нравилось, она разрасталась. Жена отсаживала черенки, и со временем окно превратилось в цветущий сад.

Тогда у нас только что родилась дочка. Жена сидела дома. Работал я один, и денег хронически не хватало. Однажды проходил я мимо цветочного магазина. В витрине надпись: «Принимаем цветы на комиссию». Дома рассказал об этом жене. На следующий день взял два горшка с самыми красивыми пассифлорами и отвез в магазин. Заплатили сразу вполне приличную сумму.

Лучше бы я этого не делал. Буквально через месяц у нас не осталось ни одной пассифлоры. Погибли все. И старые, и молодые растения.

Я знаю, что машины обладают чувством. Они понимают людей. Чувствуют незаслуженную обиду. Бывают и благодарны, и мстительны. Ведь известны случаи, когда часы останавливались после смерти владельца. Я, по крайней мере, знаю два таких случая.

Но уж если машины чувствуют и понимают, то что говорить о растениях. Так и наши пассифлоры. Они не выдержали одиночества и нашего предательства. Может быть и совпадение, но и спустя много лет все наши попытки снова завести пассифлору заканчивались неудачей.

Вторая история произошла спустя много лет. На садовом участке мы посадили сливовое дерево. Подмосковный чернослив. Принялось оно хорошо. За несколько лет выросло метров в пять, а то в шесть высотой. И все впустую. Ни цветов, и естественно, ни плодов.

Сидим мы, однажды, с женой в тенечке, пьем кофе. Прекрасная погода. Тепло, солнышко светит, дети резвятся. Благодать. И тут посмотрел я на сливу и говорю жене: «Ну и зачем она тут растет? На следующий год, если не зацветет, спилим да лучше вишню посадим».

Поговорили, да забыли. Но слива не забыла. Вдруг эти ненормальные действительно спилият. И весной вся слива утопала в цветах. А осенью не знали куда урожай девать. И варенье варили, и компоты заготовляли, и ели, и друзьям отдавали – сливы не кончаются. А она, наверно, с высоты своего роста глядит да посмеивается: «Получили, что хотели. Теперь помучаетесь».

Спустя несколько лет посадили мы еще и желтую сливу. Растет и не цветет. На следующий год после общения с черносливом Ольга Семеновна подошла с топором к желтой сливе: «Видишь топор. Не зацветешь – вырублю». Зацвела. И сливы оказались очень вкусные.

Рассказали мы эту историю знакомым.

– А вы что, не знали. Это старый, проверенный способ. Яблоне погрозишь топором – сразу плодоносить начинает.

Вот такие две истории. Истории о том, как бессловесные и бесчувственные на дилетантский взгляд растения всё чувствуют, всё понимают. И теперь без самой крайней нужды ветку в лесу не сломаю, тем более дерево не спилю.

МАРИАННА

(отрывок из рассказа «Прерванная поездка»)

Сентябрь стоял солнечный, сухой. Взяв хлеба и молока, Сергей на целый день уходил в лес. Тишина. Даже птиц не слышно — уже улетели. Он не столько собирал грибы, сколько просто гулял. Отдыхал. Садился на поваленное дерево, смотрел на шмеля, облетавшего скромные осенние цветы, слушал легкий шум сосен. Вечером возвращался к тетке Вере с полной корзиной. Та ворчала, но была довольна.

Иногда встречал в лесу соседа, деда Степана. Тот садился рядом, ставил полную корзину, долго молчал, кряхтел.

— Давай, Серега, покурим.

Традиционное начало разговора. Это означало, что дед хотел выкуриить «столичную» сигарету. В деревенском магазинчике были точно такие же, но дед жалел на них денег. Или вообще не имел их.

— Чего грибов-то не набрал? Поди давно уже ходишь.

— Успею. Мне не к спеху. До вечера далеко.

— Тебе виднее. И то правда.

Помолчали. Солнце зависло в зените, присматривая mestечко за дальним лесом, где смогло бы спрятаться на ночь.

— Ну, бывай. Пойду. Может сегодня ещё слётаю. Зимой сгодятся. А то в выходные городские понаедут, все подметут. Даже поганок не оставят.

Сергей чувствовал, как уходят пустота и колючая усталость, накопившиеся в суетливой городской жизни, и появляются уверенность, безмятежность.

Как-то раз съездил он в город, зашел в Кремль. Высокий холм, монументальные соборы, но привычной стены не было. Переходил от одной группки экскурсантов к другой, прислушивался. Века, даты, фамилии. Ему запомнилась фамилия Бухвостов. Сергей не был знатоком архитектуры, а воспринимал увиденное целиком, как образ, как произведение, не вдаваясь в архитектурно-конструктивные особенности. Также он относился и к поэзии, живописи, музыке. И недолюбливал знатоков, которые пытались втолковать ему тонкости.

Возвращался поздно вечером на последнем автобусе. До деревни было еще километра три. Сергей вышел из автобуса и не оглядываясь пошел вперед. Сзади его окликнул женский голос:

— Подождите. Проводите, пожалуйста.

Его догнала молодая женщина.

— Темноты боитесь?

— Ага.

— Вам куда?

— Вместе с Вами. Я недалеко живу. Вас Сергеем зовут.

— Вы-то откуда знаете?

— А Вас все знают. Вы у бабы Веры живете. Племянник из Москвы. У нас деревня маленькая. Все про всех знают. Это правда, что Вы ученый, кандидат наук?

— Почти. Научный сотрудник. Вот видите, не все оказывается знаете.

— Нравится здесь?

— Конечно. Места у Вас богатые. Лес хороший, река. Вы всегда так поздно возвращаетесь?

— Раньше не получается.

Дома спросил у тетки, кого он провожал.

— Да Маришку наверно. В городе она живет. Каждые выходные приезжает. Внучка деда Степана. Да ты знаешь его. На самом деле ее Марианной зовут. Мать у нее выдумщица. А мы с детства Маришкой кличем.

На следующий день, встретив деда Степана на улице, посидев на скамейке, выкурив «столичную» сигарету (слабый табак, нет той крепости), поговорив о грибах (надо бы на дальнее болото слётать, там, говорят, грибов, хоть косой коси), Сергей спросил:

— Твою что ли внучку вчера от автобуса провожал?

— Ее. Она без отца выросла. Мать в город замуж вышла. И глаз не кает. А Маришка нас с бабкой не забывает. Каждые выходные приезжает. Гостинцы привозит. Девка ладная. Да одна. Никак у нее не сладится. С гонором. О тебе спрашивала. Сказал, мужик серьезный, правильный.

Всю неделю нет-нет, да вспоминалась ему Маришка. А в пятницу собрался вечером и отправился к автобусу. Сидел на скамейке, курил, смотрел на звездное небо. Заметил движущуюся звездочку — спутник. Улыбнулся, как хорошей примете.

Подошел автобус. Маришка узнала его сразу:

— Вы? Что это Вы тут делаете?

Почему-то Сергей не придумал заранее ничего правдоподобного и теперь от растерянности сказал то, ради чего и пришел сюда:

— Вас жду, чтобы не заблудились.

— Ну, это вы зря. Я тут всегда хожу, и никаких провожатых не требуется.

— А в прошлый раз?

— Так вижу, мужик один идет. Чего ему впустую ходить. Пусть проводит, хоть какая польза будет.

Они шли рядом, молча. Он не решался взять ее под руку. Она сама взяла. Засмеялась:

— То же кавалер. Могли бы и руку предложить. Вы всегда такой?

— Не знаю.

На следующий вечер Сергей пошел с дедом Степаном ловить рыбу. Они сидели на берегу, посматривая на поплавки, и обсуждали повадки рыб:

— Окунь, тот сразу берет. Суетливая рыба. А карась — серьезное существо. Долго пробовать будет. Да еще и откажется. Капризный. То червя ему подавай, то кашу. Да еще не всякую.

Подошла Маришка, постояла с ними и пошла в луг.

— Травку мне ищет. Все кости болят. К дождям верно.

Солнце садилось. И в его розовом свете казалось, что Маришка плывет над полем, как большая птица.

— Гляжу, приглянулась она тебе — простодушно сказал дед — Девка хорошая, добрая. А что с норовом, так одна все.

В ту зиму Сергей чуть не каждый месяц навещал тетку. Та только посмеивалась. К весне они с Марианной расписались.

Valentina Maimova

* * *

Что за чудо из чудес?
Это просто русский лес!
Все стрекочет и жужжит,
Жизнь поет здесь — не бежит...

А глазастые ромашки,
Словно солнышки из сказки,
Свет качают в лепестках,
Лучик солнца в облаках...

Клевер потчует шмелей,
Домик строит муравей,
Ягоды даруют нам поля,
Нежностью наполнена земля.

В ложе травном воздух пьян,
Скрыт листвой березки стан.
В синь небесную всмотрюсь
С миром этим я сольюсь.

* * *

Зеленою темнотою елей
Леса России нам милее:
В них радость, грезы, тихий плач,
Они целительней, чем врач.

Из ландышей молочная постель,
И незабудки взгляд стыдливый,
Россия — леса колыбель,
Сегодня можешь быть счастливой?

ЛЕС

Небритость полей, непричесанность елей,
Узор причудливых теней,
Макушку сосны зиму грели,
И стали, кажется, длинней.

Загар ствола лучом сверкает,
И воздух свеж, что голову кружит,
Березка в плащице судьбы мелькает.
И шишка птичкою нахолленной лежит.

У ног моих, на белом- белом снеге,
Под пенье дальних-дальних птиц,
От солнечных лучей в дурманной неге,
В предчувствии весенне-капельных зарниц.

Ей прорастать, хвое же стать ей домом,
Где тепло и тепло, привольно корешкам,
(А не людским Гоморрой и Содомом)
Здесь все течет к спокойным бережкам.

* * *

Как много в жизни мы теряем,
когда общения лишаем
себя с природою родной.

Илья Миряков

ОСЕНЬ

За окном дождь, в душе холодный ветер.
В это время года солнце реже светит,
А на асфальте, лишь опавшая листва
И все мои эмоции идут в никуда,
Все мои мысли о будущем, родная,
О том, что будет там увы... никто не знает.
Мои мечты подобны падающей листве,
О смысле жизни осень... напомнит мне.

И эти люди, это небо, эти мысли
Помогут в этой жизни мне все осмыслить,
Я растворюсь в печали городской тоски,
С деревьев, падая, кружатся желтые листы,
Все так же мимо меня кто-нибудь проходит
В своих проблемах и мечтах, печаль приходит.
Что происходит, осень, с этими людьми?
А надо мной уныло светят желтые столбов огни,
А надо мной уныло светят звезды,
Печальный взгляд куда-то вдаль, душа впитала слезы,
Душа впитала мысли, я продолжаю дальше путь...
Ты позови меня, тоска, и я вернусь!!!

Мимо домов по улицам родного города,
Иду куда-то без цели...все равно.
В душе восторг и что-то сердце теребит,
Так медленно с деревьев желтый клена лист летит,
Меня уносят вдаль воспоминания
Счастливых теплых дней, минуты радости... страдания
От расставаний, много комплексов в душе,
О смысле жизни осень вновь напомнит мне.
Она напомнит о том, что было раньше важным!!!
О том, что все мои мечты исполняются однажды,
Поможет счастью через горе к нам прийти...

Печаль из сердца вместе с желтою листвой летит!!!
Любовь и ненависть – все в этой жизни было,
На колени опускала, ласкала и любила,
Она лишала сердце беспощадно чувств,
Ты позови меня, любовь, и я вернусь...
И я вернусь, ведь я считаю это чувство важным,
Не допущу, чтоб был я слабым и бумажным...
Я растворюсь в печали городской тоски,
С деревьев также все кружатся желтые листы,
Все также мимо меня с печалью все проходят.
О осень... не затуши в сердцах огонь свободы
И не лишай нас радости и светлых дней,
Ведь ты пройдешь, в конце концов, поверь!!!

И эти люди, это небо, эти мысли
Помогут вновь мне в этой жизни все осмыслить,
И я уйду из печали городской тоски,
А под ногами шелестят клена желтые листы,
А надо мной все также уныло светят звезды...
Печаль и горе позади и там же грезы,
Я продолжаю дальше путь, будет солнце впереди
Печаль из сердца в быстром темпе... уходи...

Екатерина Мозолевская

МАРТ

Алмазом вспыхнул белый снег
Под солнцем мартовским весенним,
И рыжей белки быстрый бег
Чреват для веток потрясеньем.
Весенних луж зеркален лёд
На утреннем морозце марта.
Стремителен ворон полёт
В чаду весеннего азарта.
И звонко теньканье синиц,
А снегири уж отлетели.
И ярок цвет девичьих лиц,
И громок перестук капели.
И грязь весенняя близка,
И близок первоцвета шорох,
Когда из палого листа
Цветков он подымает ворох.
Проталин не видать в лесу,
Пока там снега покрывало,
Лишь у подножия дерев
Пятно подстилки заблистало.
Деревьев зимнюю красу
Всю сдуло – будто не бывало!

Растаяли снега на ели,
Березы ветви похудели,
А на снегу косые тени
Стволов лежат – весны ступени,

И ярки ветки краснотала.
А сосны вознесли порталы
Своих ветвей в небесный свод.
И близок шум подснежных вод...

ОДНОКАШНИКУ

Мы генерации одной.
Взошли в тридцатом, из подстилки
Задорно распрямляя спинки,
Подрост густой сформировали
(с тех пор мы многих потеряли....),
И из куртин молодняка
Мы средневозрастными стали.
Переходя из класса в класс
Дошли с тобой до перестоя...
Среда сформировала нас,
И огорчаться нам не стоит...

Чем дольше мы живем на свете,
Тем ярче в небе солнце светит.
Чем дольше мы живем на свете,
Тем больше нас волнуют дети,
А там и внуки подрастают,
И опасенья нам внушают.
Совсем другой менталитет!
Два разных вида – внук и дед.
Но помни каждый день и час:
Среда сформировала нас!

И как бы жили мы без них,
Не может выразить мой стих!

Единодушен хор ученых:
Под кроной старой и седой
Растет подрост и вырастает
Здоровый крепкий древостой.

Итак, да здравствует природа!
Лес не боится непогоды!
Пожар, болезни, шелкопряд
Нас никогда не сокрушат!
Ну а отдельные деревья

Послужат лесу удобреньем,
И на поверженных деревьях
Опять взойдет возобновленье.

* * *

Краски зимние стволов –
Черно-матовый, зеленый,
Охряной, посеребренный –
На снегах горят как свечи,
Как весны самой предтечи.
А весной набухнут почки,
И появятся листочки,
Развернуться, кто ладошкой,
Кто кружком, а кто стрелой,
Цвета зелени и неба,
Цвета розы, цвета хлеба,
Зашумят, блеснут росой,
Заколышутся, забываются,
Ввысь взметнуться и взовьются,
Заблестят, пахнут смолой.
К осени отяжелеют,
Пожелтеют, побуреют,
Ярким суриком зардеют,
Лягут на землю ковром.

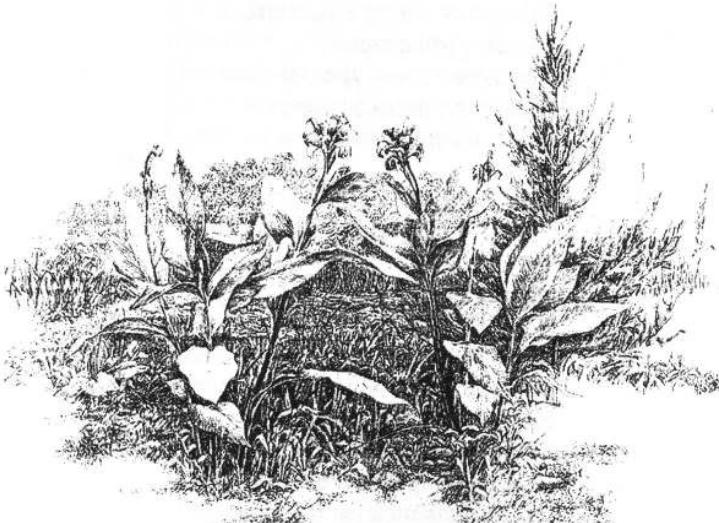
Февраль, 2001

КЛЕНЫ

Осенний лес от клёнов светел:
Подбоя оранжевых листов
Под хвойным сумраком стволов.
Лежат ковром, шуршат, летают
И мох зеленый устилают.
Тонки и гибки кленов дети,
Стерня подроста в сосняке.
Откуда взялись вы на свете
От рощ кленовых вдалеке?
Летучий рой крылаток клена

Слетел с аллеи отдаленной,
Опережая листопад,
Вонзился острием в опад,
Зимой под снегом отдыхал,
Весною дружно прорастал.
И щёткой встал подрост кленовый
Под сень стволов многометровых.
Весной из почки, как фонтан,
Зеленый листик вылетает,
Потом ладошку расправляет,
Под ветром пляшет свой канкан.
А отплясав и успокоясь,
Слетает осенью, покоясь
В волнах воздушных, колыхаясь,
С осенним холодом смиряясь
И, вспыхнув напоследок златом,
Укроет землю лёгким платом.

14. 11. 2001

Татьяна Семенова

АВГУСТ

На земле уже кора ольхи
И осин окровавлены слезы...
Как нежны торжественные мхи,
Как бедны болотные березы.

Как тут много грустного огня –
Будто я стою перед уходом.
От рожденья – от Прощена дня
Я прощать училась у природы.

Не могу просить: «Повремени.
Досыта на Русь дай наглядеться!»
Вдруг погаснут алые огни,
Вдруг любить не хватит сил у сердца...

* * *

Ноябрь.
Бегу от бурных встреч,
От суеты, от развлечений,
Где ты, стремительная речь?
Где ты, порывистость суждений?

Темны деревья. Парк наш сир.
Леса беспомощны до боли.
И ветры небо рвут до дыр,
И сами устают от воли.

Сквозь раны по ночам звезда
Проступит капелькой кровавой.
И мне не скрыться никуда
От этой медленной расправы.

.....
Скорей бы снег!

* * *

Да, я лгала, – я говорила,
Что в том неведомом лесу
Кора зеленая светила,
Краснели звезды на весу,
Что уходила я, трусиха,
Сквозь тот, замшелый шелесток,
Где скорбно-скорбно, дико-дико
Мерцал в ветвях совы зрачок.

И лес, во мне одушевленный,
Как оголенный провод, жег.
Там горек был березы сок
И чуток воздух напряженный.

Там по-людски во тьме горючей
Кукушка – нищенка, бунтарь,
От той свободы леденющей
Тоскою разрывала даль.

Там сосны – честные ребята,
Зажатые в судьбе стволов,
Стонали тихо.
И опята
Глазели тьмой пустых голов.

Да, я лгала...
Но помнят плечи
Те нежные касанья их, –
Движенья листиков и игл,
Лишенных баламутной речи.

О, как они просили все
Расколдовать,
По-детски жались
К моим губам.
Но что им жалость
И щеки в соляной росе!

1958

* * *

Я кровь тебе отда姆, береза, –
Пусть перебродит в терпкий сок,
Сквозь боль и ласковые слезы
Пролившись в детский туесок.

Вы, сосны, сердцем прорастите,
Его пронзите прямотой,
И строго тем соедините
Земли твердыню с высотой.

Душа пускай в тростинку канет
И на холме дрожит всегда,
И первая сгорит, когда
Беда на Русь мою нагрянет.

1960

* * *

Брала грибы в златом бору,
Ручьи переходила бродом
И белым деревам в угоду
На туес не драла кору.

Иглами ноги искалопов,
Искала на стволах живицу
И лесом раненую птицу
Несла под человечий кров.

И ты терпел, меня любя,
Все те неясные причуды...
Но вот пришли мои друзья
За мной, издалека, оттуда

И помогли тебе.
Уже
Из дикой стала я ручною
И след мой на лесной меже

Зарос чернушкой голубою.
Послушны стали мне слова.

.....
Но на безлюдном белом свете
На ты
Со мной остались дети,
На ты –
Деревья и трава.

1967

Игорь Сигалов

АВГУСТ

Напоенный тёплой синевой,
Здравствуй август – я сегодня твой.
От июльской прямоты устав,
Я вдыхаю запах влажных трав.

По июлю вдоволь погуляв,
Принимаю твой спокойный нрав.
Солнца луч, блеснувший из ветвей,
Стал как будто мягче и добрей.

Но тревожной нотой диссонанс
Нарастает в августе и в нас;
Памятью предчувствуем мы страх:
Осень, как нежданный гость, в дверях.

САД НОЧЬЮ

Бледно-тканая поляна,
Тени темные вокруг,
Диск Луны застыл стеклянный,
Непонятный шорох вдруг.

А в двухстах шагах отсюда
Шум машин, людская речь;
Фонарейочных причуда
Листья золотом поджечь.

ЛЕТНЯЯ АНОМАЛИЯ

Не грустно и не радостно –
Лень сердце обовьет.
В жаре сорокоградусной
Повыщел небосвод.

* * *

До срока пожелтели
Смородины кусты –
От тени и до тени
Не метры, а пути...

Но средь морозного безмолвия
Окутанного зимней мглой,
Июля жаркие условия
Покажутся почти мечтой.

РЯБИНЫ

В зеленых листьях алый цвет
На фоне неба бледно-синем,
Рябина шлет мне свой привет,
Сверкая веером павлиньим.

Легки осенние лучи;
К концу ль подходит бабье лето?
Но зелень трав среди причин,
Чтобы пока не верить в это!

* * *

Жизнь как отрубила –
Все, пора с горы
Осенью рябина
Как огнем горит.

Я спокоен внешне,
Хоть и не готов
К отступлениям спешным
В пользу докторов.

Осенью знобило
На исходе дня –
Не сгорай рябина,
Мы теперь родня.

Хрустален воздух, синь безбрежна
И под ногами жёлтый лист,
И золотисто, и безгрешно
Звучит осенний вокализ.

* * *

Рассыпается свет, дробится...
По листву растекаясь, слепит –
Словно желто-зеленая птица,
Надо мною кружит и кружит.

Небо синее вымыто дочиста –
Это август разнес облака.
Я люблю синеву одиночества –
Я и небо. И жизнь далека.

ЛЕС ВО ВРЕМЕНИ

Просторы леса необъятны
Прекрасной Родины моей.
Лес строевой и перелески
И сказка в шорохе ветвей.

Совсем недавно это было
Немного лет тому назад,
Но время – время уносило
Весь этот стройный жизни лад.

Пришли другие люди, взгляды,
Под ними дрогнул русский лес.
Пошли рабочие бригады
На штурм живых его чудес.

Но лес свои законы знает.
Их невозможно изменить.
Ошибки время исправляет,
В лесу порядок должен быть.

Вся экология лесная
Нам дарит праздник на земле,
И радость жизни воспевая,
С любовью лес идем к тебе.

ОТЧЕГО ТАК В РОССИИ?

Лесным пирологам России посвящается

Отчего так в России берёзы шумят,
Будто к нам с бессловесной мольбою взывают?
Корабельные сосны, как мачты, стоят,
И ветра парусами их кроны вздывают.

Отчего не слышна соловьиная трель?
Лишь вороны-кликуши беду зазывают,
И обугленный сруб помнит тех, кто сгорел,
А в лесу снова кто-то костёр разжигает...

Так неужто опять горячо-горячо
Полыхать будет пламя всё лето?
Или новые беды грозят нам ещё? –
Ожидают берёзы ответа.

Мы пойдём по дорогам, болотам, лесам,
Зашитим и деревни живою стеной,
Будем пламенем сердца природу спасать
И пожарища встречным огнём остановим.

Мы познали секреты лесного огня,
Возродиться поможем зелёному другу,
И пускай нас невежды в поджогах винят,
Мы продолжим пожары тушить по науке.

Не допустим, чтоб вновь горячо-горячо
По России пожары пылали,
Вот листочек с берёзки упал на плечо –
Белоствольные всё понимают!

ТАИНСТВА ЗИМЫ

Мы не умираем. Умирает время. Проклятое время. Оно умирает непрерывно. А мы живем. Мы неизменно живем. Когда ты просыпаешься, на дворе весна, когда засыпаешь – осень, а между ними тысячи раз мелькают зима и лето...

Эрих Мария Ремарк

Я верю в таинство великое в природе,
Она не Сфинкс, не механизм, а божий храм:
Из серебра и хрусталя его возводит,
Священнодействуя, морозная пора.

Пространство мира сжалось до лесной поляны,
Застыло время, словно тихой речки лёд,
А в мире завременья, по небесным планам,
Грядущее вчера мгновенья создаёт.

Нет, время не мертвое, в прошедшем оживая:
Когда природа спит, в ней ткётся связь времён.
А люди-шатуны лечь в спячку забывают,
Миг дышит подо льдом рыбачьей полынью.

Зависли облака искрящегося снега,
Паденьем юных лыжниц поднятые ввысь,
И делятся, не стихая, переливы смеха,
В мир замершей природы вновь вдыхая жизнь.

Творится благодатью душестроене,
В сей день, что предстаёт прекрасным, дивным сном,
И всё во мне созвучно таинству рожденья
Чудес, что мы увидим раннею весной.

Опушка леса... «Форд» спешит ко мне навстречу:
Не терпится взорвать недвижность и покой,
И, время расколов, снедая миг и вечность,
Пространство вмяв в асфальт, несёт меня домой.

Жестокий мир машин! Тебя очеловечить
Без Бога и природы людям не дано!
Но вижу лес другой, пожаром изувечен,
Он говорит: «Спаси себя тем зимним сном!»

Включаю монитор, налив бокал глинтвейна,
И фильм про зимний лес уходит в Интернет...
На это диво вновь смотрю благоговейно
Жду от читателей: пришлют ли мне ответ?

* * *

Еще не вызрела рябина,
И август зелен и пригож.
И только тополь – дурачина –
На все деревья не похож.

Пришел, нарядный, как вельможа,
Пророча птичий перелет.
И я подумал: «Боже, Боже,
Ведь это осень настает».

А он стоял, золотоплечий,
Но лишним был среди дерев.
И по привычке человечьей
Его за это пожалев,

Прижался я к его шершавой,
К его морщинистой коре.
А он подумал: «Боже правый,
Ведь это осень на дворе».

* * *

Вот она, сиреневая радость,
Я так долго ждал ее прихода.
Расцвела и даже рассмеялась
Городская кущая природа.

Воробьями вскормленное лето
Ничего в любви не понимает
И, сирень ломая до рассвета,
Ищет счастья, а зачем, не знает.

И брожу я полуночным вором
У дверей застенчивого рая
Оттого, что вон за тем забором
Вся сирень счастливая такая...

В ПАРКЕ

Еще немного тишины,
И мы, наверное, сумеем
С глухим предчувствием вины
Пройти по липовым аллеям,
Грустя о будущем тепле,
Которое вот-вот случится...
Порой так тихо на земле,
Что даже хочется молиться.
И, кажется, минувший век
В аллеях темных доживает;
И настоящий русский снег
Так медленно в ладони тает.

Какие талые снега!

НА ЗАМЕТКУ ОРНИТОЛОГУ

Бросает солнце в рябой залив
Лучами блесны.
К высоким далям небесных нив
Восходят сосны.
Но лишь на теплых сережках ив
Гнездятся весны.

* * *

Ты, свежестью сравнившаяся с утром
И в прелести сравнявшаяся с маев,
Напрасно полагаешь, что на свете
Никто не может быть тебя красивей.
Я знаю точно, что тебя красивей
Июньское безоблачное небо,
Верховья Волги и одна березка,
Живущая в деревне под Рязанью.

* * *

Пойдем поклонимся весне,
Она была нетороплива.
Ты мне пригрезилась во сне
С ведерком белого налива.

Ты угощала всех подряд,
Кого когда-нибудь любила.
От яблок задыхался сад,
А мне, ты знаешь, не хватило.

Вот так уйдешь на полчаса,
А на земле наступит лето...
Блаженно смотрят в небеса
Чудные рыльца бересклета.

Содержание

От составителя	3
<i>Елизавета Белошицкая</i>	4
Старый сад	4
«В осенний лес войдешь как в лес...»	5
Осень	5
В питомнике	6
<i>Анатолий Вагин</i>	7
«Родимых мест простая красота...»	7
Читая Пришвина	7
Лес	8
«Столетних сосен гонкие стволы...»	9
В горной тайге	11
<i>Дмитрий Гиряев</i>	12
«Простор уснул. Повсюду тишина...»	12
«Бездостно на скучных берегах...»	12
«Шумит, волнуется дубрава...»	12
«Чуть ветер шелохнет вершины сосен...»	13
Утро в лесу	13
<i>Константин Деркаченко</i>	14
Плач леса	14
Цветы	15
Бессердечный	16
О жизни	17
Осенние строчки	18
<i>Анатолий Деруженко</i>	20
«Вот и снова восемь...»	20
На лесном погосте	20
В лесу	21
Приметы весны	22
Сосны	22
<i>Иван Ерзин</i>	23
<i>Гром</i>	23
<i>Настен Зарин</i>	24
Акустический танец	24
<i>Александр Золотаревский</i>	25
Набросок	25

Поляна	25
Дятел	25
Запуржило и запорошило	25
Зимний мотив	26
<i>Наум Коржавин</i>	27
«Небо за пленкой серой...»	27
«Нелепые ваши затеи...»	28
Утро в лесу	28
«Уже июнь. Темней вокруг кусты...»	29
<i>Екатерина Коровина</i>	31
Ладони пахнут сентябрем	31
Пожар	31
«Ветер в ключья порвал одежду замерзающих старых кленов...»	32
«Они шли по осеннему лесу, укрываясь под черным зонтом...»	33
<i>Александр Короткевич, Регина Короткевич</i>	34
Березка	34
<i>Юрий Куксов</i>	35
«Я керны выколупывал из сосен...»	35
Больные деревья	36
«Август бредит осенью...»	36
«За каждый кустик быть в ответе...»	37
Боры	38
<i>Марина Лагунова</i>	39
Мой друг	39
<i>Николай Леснов</i>	41
Кикимора	41
<i>Александр Летин</i>	45
Рассказ ни о чем	45
А они чувствуют	47
Марианна	49
<i>Валентина Майкова</i>	53
«Что за чудо из чудес?...»	53
«Зеленою темнотою елей...»	53
Лес	54
«Как много в жизни мы теряем...»	54
<i>Илья Мириков</i>	55
Осень	55

<i>Екатерина Мозолевская</i>	57
Март	57
Однокашнику	57
«Краски зимние стволов...»	58
Клены	59
<i>Татьяна Семенова</i>	61
Август	61
«Ноябрь...»	61
«Да, я лгала, – я говорила...»	62
«Я кровь тебе отдам, береза...»	63
«Брала грибы в златом бору...»	63
<i>Игорь Сигалов</i>	65
Август	65
Сад ночью	65
Летняя аномалия	65
Рябины	66
«Жизнь как отрубила...»	66
«Такая пушкинская осень...»	67
«Рассыпается свет, дробится...»	67
<i>Татьяна Шадрина</i>	68
Лес во времени	68
<i>Владимир Фалько</i>	69
Отчего так в России?	69
Таинства зимы	70
<i>Сергей Щербаков</i>	72
«Еще не взрела рябина...»	72
«Вот она, сиреневая радость...»	72
В парке	73
На заметку орнитологу	73
«Ты, свежестью сравнившаяся с утром...»	73
«Пойдем поклонимся весне...»	74